

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ Г А З Е Т А

№ 7 (45) ИЮЛЬ–2006 • ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОРГАН ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ЛИГИ

Ψ ОФИЦИАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

РЕШЕНИЕ

рабочего совещания руководителей общественных, образовательных и практических учреждений и структур в области психотерапии и консультирования Российской Федерации

Рабочие совещания руководителей общественных, образовательных и практических учреждений и структур в области психотерапии и консультирования проведены в ряде регионов России.

В том числе по федеральным округам: Поволжскому – 29.09.05 в Казани, Северо-Западному – 01.10.05 в Санкт-Петербурге, Уральскому – 03.11.05 в Екатеринбурге, Сибирскому – 09.11.05 в Омске и 12.11.05 в Новосибирске.

Итоговое совещание состоялось в Москве 31 мая 2006 года.

Участники совещания отметили бурное развитие психотерапии и психологического консультирования в Российской Федерации как в медицине так и в других областях. Постоянно растёт число обращающихся за психотерапевтической помощью. Психотерапевты стали активно выступать в средствах массовой информации, выполняя информационно-просветительскую задачу по повышению психологической грамотности населения. Сама психотерапия становится частью современной культуры нашей страны.

Вместе с тем участники совещания определили основные проблемы, препятствующие развитию психотерапии и психологического консультирования в нашей стране и ее интеграции в общемировую систему психотерапевтической помощи:

- 1) существенный разрыв между потребностями общества, обсуждаемыми в профессиональных сообществах, и решениями, принятыми Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации. В этой сфере профессиональной деятельности и оказания помощи населению федеральное законодательство отсутствует;
- 2) существующая нормативная точка зрения на психотерапию как субспециальность психиатрии не соответствует мировым тенденциям ее развития и потребностям общества. Назрела необходимость признания психотерапии и психологического консультирования отдельной специальностью в рамках высшего медицинского и психологического образования и практики;
- 3) отмечается явно недостаточные содержание и уровень базовой подготовки специалистов – врачей-психотерапевтов и психологов-консультантов, а также не соответствующие потребностям общества и практики организация и содержание повышения квалификации специалистов;
- 4) в системе основного и дополнительного профессионального образования не сформирована система супервизии, профессионального тренинга, содействия личностному росту, предупреждению профессиональной деформации и «эмоциональному выгоранию» психотерапевтов и психологов-консультантов,

а их подготовка ведется почти исключительно в теоретическом плане;

- 5) в профессиональном сообществе психотерапевтов и психологов имеется практика общественной профессиональной аккредитации и сертификации психологов-консультантов. Важно широко применять эту практику и распространить ее на всех психотерапевтов для защиты интересов клиентов и профессионалов;
- 6) в нарушение ст. 54 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22.07.1993 г. № 5487-1 зачастую игнорируется право участия профессиональных ассоциаций в вопросах сертификации и аттестации специалистов.

Участники совещания констатируют, что современная отечественная психотерапия развивается в сторону ее обособления в качестве отдельной специальности (а в дальнейшем – профессии), что соответствует общемировым тенденциям.

В связи с этим, участники совещания считают целесообразным и необходимым:

1. Развивать профессиональное сообщество специалистов психотерапевтов и психологов-консультантов на основе положений действующего законодательства Российской Федерации о профессиональных ассоциациях
2. Развивать более высокий уровень профессиональной толерантности и корпоративной этики отношений между всеми действующими в России направлениями психотерапии и психологического консультирования на основе установления контактов с признанными мировыми школами и профессиональными сообществами.
3. Развивать контакты профессионального сообщества психотерапевтов и психологов-консультантов с профессиональными сообществами, действующими в «смежных» областях науки и практики.

В целях дальнейшего развития психотерапии и психологического консультирования считать необходимым проведение Общероссийского съезда психотерапевтов и психологов-консультантов. Определить ориентировочную дату Общероссийского съезда – осень 2008 года. С целью подготовки такого съезда представляется целесообразным подготовить и провести региональные и межрегиональные съезды психотерапевтов и психологов-консультантов в 2006–2008 годах.

Просить Общероссийскую профессиональную психотерапевтическую лигу провести соответствующую подготовительную работу.

ВВЕДЕНИЕ В ПСИХОФИЗИОЛОГИЮ КОДА РЕЧИ

А. А. Биркин, к.м.н., г. Москва

Как и любой метод лечения, психотерапия должна основываться на строгих научных представлениях, исходя из главного принципа медицины: «Не навреди!». Современные классические подходы к оздоровительному воздействию на человека обосновываются на долговременном, положительном, объективном опыте и адекватном представлении о механизмах воздействия лечебных средств.

Наиболее распространенным из всех способов психотерапии является вербальное воздействие. По своей сути это лечение пациента особым текстом. В большинстве современных литературных источников, посвященных данной тематике, лечебные тексты приводятся, однако описание психотерапевтического метода построено в контексте рекомендаций по режиссуре ее процедур: обучению ролям актера – врача и зрителя – пациента. То есть, раскрываются различные темы, включая многовековую историю метода, рассуждения об особенностях высшей нервной деятельности, излагаются мнения авторитетов, авторские методики лечения, особенности аудио и видео сопровождения сеансов, философские, эзотерические, теологические и прочие аспекты, но нет ответа на простой вопрос:

«Чем же психотерапевтический текст отличается от обычного текста?»

До сих пор науки, изучающие воздействие информации на сознание, не в состоянии объяснить изменение его состояния под воздействием речи, а тем более, предложить какие-то меры контроля манипулирования сознанием и защиты психики человека от речевых потоков. Из-за семантического подхода спорным был также вопрос о влиянии структуры устных и письменных текстов на их усвоение.

Современные нейролингвистические, психолингвистические, психофизиологические, нейрофизиологические, психологические, математические, кибернетические, философские, исторические и филологические представления о природе речи, находясь в относительной изоляции, не позволяют ответить на этот вопрос однозначно и не открывают возможностей для создания строго научной, междисциплинарной, доказательной базы, способствующей оптимальному использованию вербального психотерапевтического метода.

На протяжении многих лет нами проводились исследования в смежных сферах перечисленных дисциплин. Основной целью этих изысканий был поиск объективных данных, обосновывающих вербальный психотерапевтический метод, прежде всего с позиций естественнонаучных. Некоторые из полученных результатов представлены нами во вводной книге «Код речи», которая в ближайшее время будет выпущена издательством «Гиппократ» в Санкт-Петербурге. Избранные материалы этой работы в виде серии статей публикуются в этом году на страницах журнала «Психотерапия».

Поскольку полученное нами образование является медицинским, предмет исследования рассматривается с медицинских позиций. Обосновывая эти позиции, будет уместным привести слова Гиппократова: «Жизнь коротка, путь искусства долог, удобный случай скоропреходящ, опыт обманчив, суждение трудно. Поэтому не только сам врач должен употреблять в деле всё, что необходимо, но и больной, и окружающие, и все внешние обстоятельства должны способствовать врачу в его деятельности».

Несмотря на обилие литературы, специалистов и учреждений, занимающихся проблемами языка и речи, в настоящее время не существует достаточно понятного и убедительного объяснения известных и обыденных речевых феноменов. Почему на большинстве лекций часть аудитории спит, а в церкви во время молитвы или проповеди нет? В чем суть мифа о Вавилонской башне? Почему на сон грядущий мы читаем книгу, и, чем она скучнее, тем быстрее засыпается? Почему в ответ на воспитательные тирады родителей со стороны детей часто слышится: «Не грузи!». Почему подростки и иные категории граждан, общаются на своем, отличном от обычного языка, т. н. сленге. Почему любой человек отличает текст поэтический от текста прозаического, ведь понятием «рифма» в самом общем виде объясняется структура текста, но не работа мозга? Почему возникает состояние гипнотического транса вплоть до каталепсии в ответ на прослушивание речи или состояние медитативного изменения сознания в ответ на произнесение мантр? В чем же феномен А. М. Кашпировского, дающего установки лицам, которые помнят все происходящее во время его сеансов? Почему лечебные заговоры народных целителей успешно используются веками и в настоящее время не теряют своей эффективности?..

Поводом для наших исследований, послужили сеансы А. М. Кашпировского, транслируемые по телевидению 1989–1990 гг. Период времени выхода на экран Анатолия Михайловича совпал со временем глобальной компьютеризации советско-российского общества. Этот факт позволил предположить существование связи между ставшими общедоступными электронными средствами обработки информации и «феноменом Кашпировского».

По нашему глубокому убеждению главным и объективным средством воздействия на мозг человека во всех случаях словесной коммуникации является речевой сигнал, следовательно, объяснение его воздействия нужно искать в физиологии восприятия текста, обусловленной структурой потока элементов или кодов речи.

Часто приходится слышать распространенное мнение о практически неограниченных возможностях мозга в обработке информации. Это мнение глубоко ошибочно, хотя бы только потому, что каждому из нас для восстановления функционального потенциала высшей нервной системы требуется ночной сон. Из этого следует, что мозг, вероятнее всего, работает на пределе своих возможностей. С одной стороны он является венцом эволюции и представляет собой мощнейшую биологическую вычислительную систему, с другой – это орган человека, который обладает определенными физиологическими, гистологическими, анатомическими и другими особенностями.

С позиций современного развития медицинской науки самый главный орган человека относительно других изучен недостаточно. Действительно, для поддержания оптимального функционирования связанных с окружающей средой систем организма пищевой, дыхательной, опорно-двигательной, зрительной, слуховой и пр., подробно разработаны мероприятия, проводящиеся на основе объективных экологических, гигиенических, диетических и прочих критериев. Относительно же мозга подобные мероприятия декларированы в самом общем виде и без достаточного обоснования конкретными данными о состоянии информационной среды. Это обусловлено, по меньшей мере, двумя причинами: во-первых – тем,

что мозг для изучения является наиболее сложной системой, во-вторых – потому, что значительная часть информационной среды представлена речевым пространством, формальные признаки оценки которого пока не разработаны.

Было бы глубоко несправедливым относительно нас самих пренебрегать той огромнейшей, рутинной работой, которую производит мозг для преобразования сигналов внешней среды в формы пригодные для осмысления. Это в полной мере касается и физиологии восприятия речи. Все существующие в настоящее время научные методы исследований, включая лабораторные и инструментальные, позволяют оценить лишь внешнюю сторону и (или) заинтересованность тех или иных отделов мозга в обработке речевого сигнала. Эти методы не позволяют представить энергетические затраты, направленные на реализацию интимных механизмов обработки речевой информации, которые заключаются в алгоритмах и стадийности образования мозгом образов букв, слов, предложений, мыслей. По нашему глубокому убеждению в настоящее время это возможно лишь одним единственным способом – путем компьютерного моделирования восприятия речи, осуществляемого на основе классических представлений о физиологии высшей нервной деятельности.

Этот подход можно иллюстрировать примером банальной школьной задачи о землекопе. Его физиологическое состояние во время работы можно оценить двумя путями. Первый – это косвенный способ, который заключается в периодическом снятии физиологических параметров в виде частоты дыхания, пульса, величины артериального давления и пр. Второй – это прямой способ, заключающийся в оценке объема производимой работы в единицу времени, которым в данном случае является объем перемещенного грунта в единицу времени или нагрузка. Причиной изменения всех физиологических параметров у землекопа является производимая им работа, заключающаяся в перемещении грунта. В этой связи можно утверждать то, что оценка и прогнозирование состояния землекопа по объему производимой им работы является достаточно надежным методом, который, по меньшей мере, не уступает методам периодического снятия и оценки физиологических параметров.

Возвращаясь к предмету изложения, легко представить, что землекопом у нас является мозг, а перемещаемым грунтом – поток кодов текста. Однако в данном случае нами оценивался не только его объем, но и структура. Действительно, в примере с землекопом было бы крайне неосторожным пренебречь качественными характеристиками земли, которую он перемещает. Для работы с грунтом тяжелым ему потребуется значительно больше усилий, чем для работы с грунтом легким. Аналогичным образом можно представить и поток элементов текста, но только применительно к эволюционно сложившимся возможностям его обработки мозгом.

Наиболее сложным и тяжелым этапом, проведенных нами исследований был этап «обучения» «восприятию» речи младшего электронного «брата по разуму» – компьютера. После того, как это удалось, уже сам компьютер начал нас обучать характерным особенностям различных классов текстов, то есть особенностям кода речи.

По нашему глубокому убеждению, рассматриваемым по структуре кода речи позициям, не противоречат иные известные формы письменной речи, например иероглифической, так как в основе образования любого письма лежит устная речь.

В процессе апробации материала в виде кратких докладов и статей с большим сожалением мы пришли к выводу о том, что часть медицинской и психологической аудитории, до которой доводились полученные результаты, не понимая их по своей сути, с откровенной неприязнью констатировала несостоятельность подобных подходов к проблемам изучения языка. Другие же оппоненты, находясь на традиционных позициях смысловых (се-

мантических) подходов, ни как не могли уразуметь, о чем же идет речь. Справедливости ради следует заметить, что большинством читателей и слушателей материалы исследований воспринимались с большим пониманием и одобрением.

Полученные нами результаты исследований никоим образом не противоречат и не умаляют достижений таких наук, как филология, психолингвистика и нейролингвистика. Мы уверены, что дополненный этими данными, арсенал знаний, способен повысить разрешающую способность методов изучения языка в рамках каждой, отдельно взятой из перечисленных, наук, и поможет избежать семантических перекосов, усложнений и мифов в объяснении природы языка и речи.

По сути своей полученные нами данные освещают закономерности речевого формирования физиологического фона, на основе которого происходит семантическая обработка текстовой информации. Причем, как показали исследования, значение этих закономерностей столь велико, что выходит за рамки отдельных наук и должно учитываться при решении многих актуальных социальных проблем.

В начале исследований мы попытались адаптировать психофизиологические взгляды на природу речи в рамках представлений таких наук, как психолингвистика, нейролингвистика, физиология, психология, история, математика и информатика. Таким образом, в основу объяснения механизмов восприятия устных и письменных текстов нами были заложены классические физиологические понятия о рефрактерности нейрона (Э. Марей, F. Gotch, C. J. Burck и др.), типах высшей нервной деятельности (И. П. Павлов и др.) и теории повторного входа (Дж. Эдельман, А. М. Иваницкий, Дж. Экклс, К. Прибрам и др.).

В этот же период на основе изложенных физиологических представлений нами разработаны технологии компьютерного моделирования восприятия текстов.

В дальнейшем были проведены исследования, подтверждающие физиологическое воздействие структуры кода речи в виде субъективных и объективных реакций, возникающих у человека при ее восприятии.

После этих исследований с помощью разработанных программных технологий был проведен мониторинг речевого пространства, в результате которого были выявлены достоверные релевантные признаки исторически сформировавшихся классов текстов: психотерапевтических, мантральных, фольклорных, прозаических, поэтических и профессионально-деловых и других. Разработана комплексная психофизиологическая методика оценки текстов на основании первого (формирование образов букв) и второго (формирование образов слов) этапов декодирования речи. В этой связи доказаны возможности манипулирования сознанием с помощью деформации кода речи, как на примере современных, так и древних, заговорных текстов.

С позиций полученных данных у нас появилась перспектива рассмотрения некоторых историко-филологических аспектов кода речи, касающихся как эволюции мозга, так и развития языка, и тем самым, подтверждения приоритета незаслуженно забытых отечественных исследователей Ф. Воланского (Е. Классена), П. П. Орешкина и А. Г. Егурнова, дешифровавших письменные памятники древних цивилизаций с помощью древнерусских азбук.

Эксклюзивное право на реализацию разработанных пользовательских программных продуктов диагностики нагрузок кода речи передано нами компании «ДисНет» (WWW.DISNET.RU, (8-495) 775-55-09, 785-22-90).

В контексте предстоящей публикации статей на страницах журнала «Психотерапия» надеемся на конструктивное их обсуждение с заинтересованными специалистами полученных нами новых знаний и умений.

С автором можно связаться по эл. почте: mail@disnet.ru

Ψ ОПЫТЫ ДУШИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕРАПИИ ТВОРЧЕСКИМ САМОВЫРАЖЕНИЕМ ПРАКТИКУЮЩЕГО ПСИХОТЕРАПЕВТА

Г. Н. Иванова, Центр реабилитации «Волгоград»

Жизнь человека – это жизнь среди людей. Мнение о себе самом часто зависит невольно и сильно от оценки окружающих. Как это бывает травматично для души: пренебрежительная критика родителей, насмешки одноклассников, равнодушие однокурсников. Так называемое общественное мнение питает дефензивность молодого человека иногда на многие годы, мешает быть собой без оглядки, без страха быть отвергнутым, нелюбимым. Конечно, есть люди, избежавшие таких переживаний, «проскочившие» юность успешно-благополучно-легко. Вероятно, у них имеются другие проблемы, но одной точно меньше – они довольны собой, не рефлексируют, не терзают себя. Я себя ценила так низко, что мне было необходимо как-то оправдать свое неудачное существование. В голову приходило стандартное деяние – родить ребенка. Увы, его появление моих внутренних проблем не разрешило.

Жизнь врача тоже своего рода соревнование. Ориентир успеха – достижения однокурсников. Вот у меня нет ученой степени, а некоторые из наших уже доктора наук. Повод для зависти есть, но я почему-то не завидую. Мой критерий счастья – это найти любимое дело, ведь даже престижную работу можно выполнять формально, по обязанности, без радости, без души. У меня была любимая интересная специальность, родная кафедра, где училась, общалась, дружила. И все равно меня настиг кризис личности, почему-то не вдохновляла перспектива защиты (реальной вполне) и последующая работа на кафедре. И вот я выбираю два дополнительных цикла в программе клинической ординатуры: психиатрию и психотерапию. Психиатры, напряженные, самоуверенные ощущались мной чужими. Психотерапевты были разные, одни как я – дефензивные, вторые – как психиатры, критикующие, оценивающие. Бесконечно сомневалась, смогу ли, успею ли освоить новую для меня специальность. Выход из тупика не получался ни на уровне теоретического познания, ни в процессе отработки технических навыков. Не хватало мне чего-то самого главного, что я могу сказать людям, как они смогут стать счастливыми. Проблеск ясности забрезжил, когда я впервые попала на занятие группы творческого самовыражения у Марка Евгеньевича Бурно. Сейчас кажется невероятным, что я его не разглядела, пока училась, не очень надеялась именно от него узнать самые важные истины, другие преподаватели выглядели более уверенными, преуспевающими. И вот я сижу в группе вместе с пациентами и клиническими ординаторами по психотерапии, я пока только смотрю, слушаю, наблюдаю, вживаюсь. Неловкость переходит в неустойчивое спокойствие, постепенно перестаю себя ощущать, мне интересно! Что именно интересно? Ход мыслей, чувства, ассоциации, внутренняя жизнь становится осязаемой, зримой. Конечно, я себя спрашивала, как могло возникнуть такое доверие, желание раскрыться. Помнится, разобралась во всем именно

на своем опыте, пока писала рассказы, рисовала на заданную тему. Вдруг ощутила прелесть свободы делать что-то по-своему, так, как сама хочу, удовольствие от самого процесса. Это поразило, как обрушившееся внезапно богатство, душа испытала восторг, потрясение, инсайт. Да, я родилась, чтобы творить, я в детстве мечтала стать художником, столько лет не вспоминала о сокровенном! Забавно, что жутко боялась быть заурядной, тусклой, как будто это вообще возможно: быть собой и быть неинтересной. Я ожила, мчалась после работы на очередное занятие, уже не угнетал однообразный быт, не огорчали финансовые напряжения, не обижали грубости людей. Изучение характеров вносило порядок, логику в хаотические нагромождения случайно полученных знаний, помогало увидеть своеобразие, неповторимость, ценность каждой личности. Стало легче понять себя, разобраться в своих противоречиях, принять других такими, какие они есть. Жизнь стала разнообразнее, полнокровнее и одновременно проще, появилась почва под ногами. Незаметно, сами собой, исчезли робость, неуклюжесть, появилась удивительная смелость в общении, даже с незнакомыми. Теперь для меня важнее самооценка, внутренний суд совести, чем мнение окружающих. Мой аутистический мир сохраняет только то, что мне дорого, теперь знаю самое главное, мне есть, что сказать людям. И ничего, что система мироздания не устраивает нас, огорчает несправедливость, пугает жестокость, не обнадеживает будущее. Мы не властны изменить мир, но мы можем сохранить себя, свою душу от глупости, злобы, цинизма. Пусть это будет маленькая победа, один шаг, одно мгновение вечности, но это все равно вклад в человечество, в коллективный разум. Убеждена, что нет ничего страшнее и разрушительнее скуки. Душа должна жить активно, познавать, удивляться, радоваться и грустить. Это ценности каждого дня, каждой минуты жизни, она становится счастливой, если освещается творчеством, в котором можно быть собой, выразить себя, как личность, самобытно, неподражаемо. Этот процесс приносит и мучение поиска, и азарт вдохновения, и удовлетворение результатом, и благодарность судьбе за это счастье.

Живу сама творчески, стараюсь видеть мир вокруг многообразным, постоянно меняющимся, понимать других людей, совсем не таких, как я, с уважением к их личностным особенностям, мне это помогает, это обогащает мое существование в реальности, дает почву под ногами.

Стараюсь научить своих друзей, пациентов, тех, кто тоже переживает кризис личности, обрести творческий образ жизни, радуюсь, если это удается.

Метод успеха, метод счастья, метод спасения. Огромный, неоценимый вклад автора в науку.

Спасибо Вам, Марк Евгеньевич!

Центральный Совет Лиги на базе кафедры психотерапии, медицинской психологии и сексологии РМАПО проводит консультации по наиболее сложным и трудоёмким случаям психотерапии. Консультации проводятся, в том числе, на благотворительной основе.

Запись на консультацию к Президенту Лиги, д.м.н., профессору, действительному члену ППЛ, психотерапевту единого реестра

профессиональных психотерапевтов Европы Макарову Виктору Викторовичу осуществляет Инга Юрьевна Калмыкова по тел. (495) 675-15-63 и 8-901-175-05-108, электронной почте vikgal@oppl.ru.

Запись на консультацию к Вице-президенту Лиги, д.м.н., профессору, действительному члену ППЛ, психотерапевту единого реестра профессиональных психотерапевтов Европы Бурно Марку Евгеньевичу осуществляет Елизавета Юльевна Будницкая по тел. (495) 675.45.67 и электронной почте center@oppl.ru

Ψ ТВОРЧЕСТВО ПСИХОТЕРАПЕВТОВ

ПЕРВЫЙ ВРАГ

М. Е. Бурно, д.м.н., проф. (Москва)

Еще один психотерапевтический рассказ из серии «Рассказы молодого психиатра-психотерапевта».

1.

Анисимов, окончив медицинский институт, приехал по распределению в деревню работать в психиатрической больнице. Он вышел из автобуса и тут же увидел душевнобольных в синих пижамах, работающих на огородах. За березами и соснами белели больничные дома. Анисимов посмотрел в другую сторону – там речка, избы с соломенными крышами, белокаменный железнокрытый магазин. Пекло солнцем. По улице бродили утки, куры, индюки. «Здесь, – подумал Анисимов, – среди такой чудесной деревенской тишины и природы я буду жить открыто, смело, красиво...» И пошел в контору. Главный врач, полный лысый молодой человек с рыжими усами, в белой рубашке, повел нового доктора на кухню.

– Здорово, что приехал, я чувствую – ты хороший парень, – дружелюбно говорил он, хотя видел Анисимова в первый раз. – Жутко мало врачей. Здесь тебя накормят. На войне первое дело – харч, как говорит мой папаша.

Анисимов ел в отдельной комнате густой борщ со свининой, а главный врач в это время о чем-то говорил строго с поваром у котлов, за дверью. Потом пошли в одно из отделений. В кабинете врачей было много цветов в кувшинах, стеклянных и железных банках – на длинном подоконнике, на столах и в углах кабинета, прямо на полу. На стене висел смешно нарисованный цветными карандашами портрет Павлова. Должно быть, рисовал кто-нибудь из пациентов. За белыми столами среди кувшинов с ромашками и васильками сидели двое в белых халатах. Они тут же встали.

– Привел коллегу, – сказал главный. – Знакомься, жена и муж – Аня и Михаил.

Михаил, человек лет тридцати с мягким, округлым лицом в очках, протянул Анисимову руку, тоже мягкую. Рука его жены, маленькой беременной женщины, – твердая, красная и холодная. Аня улыбнулась и сказала с притворной строгостью:

– Непременно приходите к нам сегодня вечером на телевизор и чай с вишнями.

– Пойдем, посмотрим теперь твой дом, – сказал главный.

Шли мимо клумбы с каннами и гортензиями к проходной будке.

– Ну, как нравиться тебе у нас? – спросил главный. – Скажу сразу, есть грубые пьяные санитары. Такие, что даже больных бьют, гады. Прошу тебя, сообщай мне, если заметишь что-нибудь такое. Гнать буду в шею из больницы. Ну, вон и твой домишко. А мне пора в город, в обком. Пока!

Он быстро зашагал к конторе, сел в «Волгу» и уехал, разгоняя гусей с дороги.

В финском домишке были комната и кухня. Стулья и столы недавно сколочены из свежесрубленного дерева. Анисимов прикинул, где поставит письменный стол, где прибить полку с книгами, и вышел прогуляться до вечера. Зашел в магазин, на почту, подразнил гусака. Жители деревни уважительно здоровались с новым доктором.

«Как хорошо, тихо, – думал Анисимов. – Не шумит толпа, не гудит метро. И какие здесь всё милые, приятные люди».

Август. Над заборами висели крупные крепкие яблоки. На огородах краснели помидоры, вяло лежали на грядках перезревшие, желтоватые, семенные огурцы.

«В этой сказочной русской деревне, в моей уже любимой деревенской психиатрии начну жизнь ясную и честную», – подумал опять Анисимов.

2.

Вчера в Москве, когда собирал чемодан, все лезло в голову одно воспоминание: как мальчиком отправлялся по утрам в школу и в безлюдном переулке подходил к нему, маменькиному сынку, парнишка в грязной кепке. Требовал завтрак и денег. Анисимов трусливо отда-

вал ему завтрак и деньги. Когда мальчишка морщился, что-де мало денег и бутерброд не с колбасой, а с сыром, Анисимов робко обещал принести завтра еще – и непременно с колбасой, а сам оставался голодным. У Анисимова не было чувства враждебности к мальчишке. Он так боялся его, что даже боялся чувствовать его своим врагом. Так продолжалось года два, потом парнишка куда-то исчез. С этого, наверно, и началась трусость Анисимова. В школе, в институте он обычно не говорил прямо то, что думал, если это как-то могло ему повредить. Наблюдал, что некоторые ведут себя так же, но как будто не страдают от этого, понимая это как само собой разумеющееся. Он же мучительно переживал в себе эту трусость. Например, не мог ночью спать после комсомольского собрания, на котором не выступил в защиту приятеля, а надо было бы защититься. Трусил, что присутствующие на собрании преподаватели, отношение которых к провинившемуся всегда чувствовал, станут относиться к нему хуже после этой защиты. Робкий, рассеянный, с полудетским лицом, он вообще готов был соглашаться со всяким человеком, чтобы не сердить его. В то же время ему приходилось быть и комсоргом, и профсоргом и даже членом комитета комсомола института. Просто не мог решительно отказываться от этих должностей. «Может, не трусость это, – подумывал иногда Анисимов. – Может, просто доброта моя, нежелание обижать людей, жалость какая-то. И того парнишку в грязной кепке не хотелось обидеть, он наверно недоедал в то несытое время. Однако, поглядывая на себя сбоку, Анисимов всё же понимал, что всё это только противенькие самооправдания. Конечно, он добр к людям, поскольку не раз бескорыстно помогал отстающим в учении, давал много раз без возврата деньги, сделал бесплатно людям множество фотографий, несколько раз студентом безвозмездно отдавал в больницах свою кровь. Но что это за доброта, когда нет настоящих врагов, даже одного? Это в двадцать три года! Колька Митин, парень с розовой рожей, спекулянт, воровавший на пятом курсе в клинике морфий, мог бы стать его врагом, но Анисимов побоялся его, так как Колька в шайке, а шайка мстит.

– Нет, это обыкновенная трусость, – сказал он себе вслух, сев на пригорки в траву. – Нечего оправдываться. Какой я комсомолец! Я духовный раб. И в партию вступил бы, если б сказали...

Встал и пошел вдоль речки, спугивая лягушек. Вспомнились один за другим все его трусливые поступки. Вся прожитая жизнь представлялась жалкой, сплошной трусостью, расхлябанностью. «И тело какое-то у меня трусливое, расхлябанно-жалкое, – думал Анисимов. – Вечно виноватая улыбка, побитые глаза и дрожащие щеки».

Солнце, опускавшееся к еловому лесу, было морковного цвета, облака сизые, а луга вокруг деревни ярко-желтые. Утки толпами расходились в тишине по домам. Оставалось начать здесь новую, смелую жизнь. Он понимал, что именно противно в нем, и радовался, что хоть понимает это. «Еще буду зарядку по утрам делать, – подумал он, – чтоб жалковатость из тела изгнать».

3.

Вечером, в гостях у Ани и Михаила, Анисимов пил чай с вареньем, смотрел телевизор. Был там целый таз со спелыми вишнями.

– Плохие вишни, – говорила Аня, выплевывая на красную руку красные косточки. – Когда хорошие, черные, мягкие, я могу сразу много съесть. А этих вот поела и больше не могу.

Анисимов сидел на мягком диване среди ковров. На телевизоре – матрешка в широкой юбке пила чай из матерчатого блюдечка на матерчатой пятерне. На экране был какой-то смешной мультипликационный фильм. Отпивая чай, Анисимов поглядывал на экран и смеялся. Аня жаловалась, что, несмотря на обилие кур в деревне, яйца купить почему-то трудно и дорого.

– И хорошо, – вяло сказал Михаил, тихо сидевший в углу на стуле. – Склероза не будет.

– Это не так! – запальчиво произнес Анисимов, радуясь своей уверенной резкости. – Сейчас выяснено точно, что атероматозные бляшки набиты не тем холестерином, который мы едим, а тем, что образуется в стенке сосуда независимо от еды.

Михаил снял очки в металлической оправе, стал протирать их вышитым платком и посмотрел на Анисимова уставшими глазами. Он, казалось, думал: «Ну, чего ты волнуешься, чего говоришь так много... Ну, хорошо, яйца не делают склероза. Ну и что?»

Аня принесла из кухни блинов и две кринки клюквенного киселя. Стали медленно, молча есть. Потом Аня спросила Анисимова:

– Вы надолго к нам?

– Года на три, – сказал Анисимов. – Там видно будет.

– У нас грибы в лесу, брусника, – говорила Аня, обмакивая красными пальцами блин в кисель. У нее была нежная, тонкая, почти прозрачная шея, которую Анисимову хотелось потрогать. «Глупенькая, симпатичная женщина, – думал он. – Какой она психиатр! Вот ротик и нее чудесный. Это да. Губки, как ягодки, только блинами замаслены. Вот вытереть бы и поцеловать». Видно, Аня что-то заметила в его взгляде. Ее острый подбородок запрыгал и глаза прищурились.

– Как вам понравился наш главный? – спросила она.

– Славный парень.

– Славный? Э, вы его не знаете! Представьте, не разрешает мне брать с кухни больше литра молока. Молоко, говорит, для больных. Сухой он, бездушный человек. Врачей с больными равняет.

– Но это же хорошо, – сказал Анисимов. – Кто еще несчастнее душевнобольного?

– Да, это так, но ограничивать меня в моем положении в молоке, когда на кухне и в отделениях такое воровство... Килограммами мясо уносят, десятками яйца...

– А это свинство, – резко перебил Анисимов. – Какого же черта вы разрешаете такое!

– А вы попробуйте, попробуйте, – раскраснелась Аня. – Вот вам потом стекла ночью побьют, кошку дохлую в огород кинут. Тут народ ого-го! Вся деревня делится на сидевших в тюрьме и еще не сидевших.

Муж ее, вяло смотревший телевизор, чуть оживился и сказал Анисимову:

– Да, вы спокойнее...ну их всех... Лучше от нашего вмешательства все равно не станет. Ну их! Поймаешь за руку заведующего складом, а он потом дров не даст. А зима длинная...

Он помял рукой большой мягкий нос, подбородок. Было видно, что он хочет еще что-то сказать. Анисимов молчал. Аня ела блин.

– Нас тут, докторов, мало, – сказал Михаил. – Кроме нас, еще четверо. Всё одинокие необщительные старушки. Персонал – воры, бандиты. Не навидят нас. Вот и собираемся иногда вечерами. Картошка с селедкой, блины. Провинция!

Михаил положил на скатерть большую руку, в ямочках, с длинными белыми ногтями, и пошевелил ею. Посмотрел на Анисимова из-под стекол очков голубыми глазами.

– Так что приходите к нам. Да, Аня?

Аня улыбнулась и опустила ресницы. Анисимову вновь захотелось потрогать ее шею.

– Хочется, конечно, справедливости, – вздохнула Аня. – Но если помочь все равно не можешь, а когда попытаешься – тебе только хуже будет, то зачем это? Санитары, повара у нас все партийные. После партсобраний у них выпивка. А из врачей партийный один главврач.

Она выключила телевизор.

– Поиграй, Миша.

Михаил снял со стены гитару и стал играть что-то по нотам. «Так вот зачем ему такие ногти», – подумал Анисимов.

Анисимов часом позже лежал в своем домишке на чистой белой простыне. Лицо его горело. «Я им покажу, гадам, воровать у больно-го, – бормотал он. – Прощай, старая трусливая жизнь».

4.

На следующий день, утром, Анисимов сделал зарядку, умылся, надел белую рубашку с серым галстуком и пошел в отделение.

В его кабинете, на столе уже лежали истории болезней. Он стал вызывать больных и задушевно говорить с ними. Писал дневники, направлял в лабораторию на анализы, назначал лечение. Проработав с час, вышел из кабинета и стал ходить по палатам. Посмотрел на санитаря, подумал: «Это добрый дед, он не бьет больных. А вот этот верзила со зверской рожой, похоже, черт его знает». Потребовал строго у старшей сестры, чтоб дала больному новые штаны, другому сменила тапочки. Персонал зашушукался в углах: «Ишь какой!»

Потом Анисимов сидел в кабинете за белым столом, нюхал ромашки в голубом кувшине и думал, что у всякого человека должна быть своя святая цель в жизни. Каждым поступком и словом нужно выполнять эту цель. Его святая цель – помочь душевнобольным. И неважно как он будет помогать им – откроет ли новое лекарство, симптом или просто потребует сменить больному грязную рубашку... Важно не трусить и подчинить этой цели всю жизнь. Тогда жизнь будет ясная, чистая, благородная. Тогда не будет этих тягостных упреков самому себе.

В это время к липучке, свисавшей с потолка, прилипла муха, стала сердито жужжать и мешала ему думать.

В этот же день Анисимову пришлось дежурить по больнице.

В полдень он пошел на кухню снимать пробу. Ему не понравилась улыбочка жирного толстощекого повара. Упрекнул его за грязный халат, помешал черпаком в бачке со щами и поморщился:

– Что-то больно жидковато...

– У нас всегда так, – сказал приветливо повар. – Продуктов мало дают. Вы из Москвы приехали? Все хотим как бы получше больным, а...

Он вдруг замолчал. Анисимов постоял, расписался в журнале проб и ушел в отделение.

Вечером он снова пришел на кухню – пробовать ужин. Знакомый уже повар с толстым бугристым носом снова улыбался ему, говорил, что больные питаются плохо, что на складе мало продуктов. Пробуя кашу, доктор вдруг вспомнил, что повар неожиданно замолчал в прошлый раз, когда Анисимов подошел к шкафу. Медленно отложил ложку, направился к тому шкафу, чувствуя спиной, что повар перестал улыбаться, и открыл шкаф. Там стояли две хозяйственные сумки набитые вареным мясом. Явно приготовленные на вынос.

– Это что? – спросил Анисимов.

– Это для ужина, – ответил повар.

Он вспотел. Вокруг мутных глаз покраснело, щеки беспомощно отвисли.

– Ужин сегодня без мяса, – сказал Анисимов. – Это мясо должно быть в щах. А оно в сумках.

– Молоды обвинять, – резко сказал повар. Волчья злость несколько прояснила его глаза. – Я партизанил, когда вы в люльке валялись.

– Я возьму это с собой, – вздохнул Анисимов. И отнес мясо в кабинет дежурного врача.

(Окончание следует)